

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ В СФЕРЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН:
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Мухаммад Кадыров Алишер угли,
магистр права, выпускник Pennsylvania State University и Ташкентского
Государственного Юридического Университета

Аннотация

В статье анализируется процесс имплементации международных конвенций в национальную правовую систему Республики Узбекистан в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. Рассматриваются конституционно-правовые основы монистического подхода, закрепляющего приоритет международных договоров над внутренним законодательством, а также законодательные механизмы их реализации. На примерах ключевых конвенций (ДНЯО, Конвенции о запрещении химического и биологического оружия, антитеррористических соглашений) показаны формы адаптации норм в уголовное и административное право, деятельность межведомственных комиссий и специализированных органов. Отмечены правовые и политические вызовы имплементации: необходимость обновления законодательства, ограниченные ресурсы для надзора и инспекций, баланс между безопасностью и правами человека. Сделаны выводы о значительном прогрессе Узбекистана в создании институциональной базы реализации международных обязательств и предложены меры по повышению прозрачности, международного сотрудничества и укреплению национальных институтов.

Ключевые слова: Узбекистан, имплементация, международные конвенции, международное право, монистический подход, оружие массового уничтожения, терроризм, национальное законодательство, международная безопасность, правовая система.

Introduction

Введение

Имплементация международных публичных конвенций в национальную правовую систему является ключевым элементом обеспечения международной безопасности и выполнения государством принятых на себя обязательств. Республика Узбекистан, поддерживая международные усилия по нераспространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и борьбе с терроризмом, ратифицировала ряд соответствующих документов. Исследование того, как зарубежные нормы интегрируются в узбекское право, раскрывает не только процесс трансформации обязательств в конкретные законодательные меры, но и политико-правовые сложности, связанные с их выполнением в современных условиях.

Теоретико-правовой обзор

В международно-правовой теории выделяются монистическая и дуалистическая модели соотношения международного и национального права. Конституция Узбекистана однозначно закрепляет монистический подход: международные договоры вместе с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью национального правопорядка. Более того, если положения международного договора противоречат нормам законодательства, преимущественно применяются нормы самого договора. Это означает, что ратифицированная конвенция становится легитимной основой для создания внутренних правовых норм. Одновременно узбекское законодательство (Законы о международных договорах) устанавливает процедуру имплементации – при необходимости принятия внутренних актов заинтересованные органы (Минюст, МИД, профильные министерства) вносят предложения о внесении изменений в законы, указы и постановления. Таким образом, правовые механизмы Узбекистана в целом соответствуют принципам миротворческой и нормативно-правовой трансформации международных обязательств.

Законодательство Узбекистана и статус международных конвенций

Конституционный принцип прямого действия международных договоров подкреплен положениями специальных законов. Закон «О международных договорах Республики Узбекистан» регулирует порядок заключения и ратификации соглашений, а также выполнение международных обязательств. В частности, закон предусматривает, что для приведения законодательства в соответствие с ратифицированными конвенциями министерства совместно с Минюстом и МИД готовят проекты необходимых изменений. В сфере безопасности нормативно-правовая база Узбекистана содержит комплекс актов, непосредственно имплементирующих международные соглашения. Так, Уголовный кодекс предусматривает ответственность за действия, связанные с ОМУ, в соответствии с обязательствами страны. В статье 255¹ УК РУз уголовно наказуемыми объявлены разработка, производство, накопление и иные действия с бактериологическим, химическим и другими видами ОМУ, запрещёнными международными договорами Узбекистана. Эти положения прямо ссылаются на конвенции (в примечании указывается, что норма введена Законом РУз «О присоединении к Конвенции о биологическом оружии») и показывают, что ратифицированные соглашения нашли отражение в национальном уголовном праве.

Основные принципы и институты: Конституционный и законодательный базис Узбекистана закрепляет верховенство закона и международных договоров. Они устанавливают монистический принцип («правила международного договора имеют преимущество») и регламентируют порядок работы государственных органов по заключению и имплементации соглашений. Как отмечает узбекское законодательство, заключение и ратификация конвенций осуществляется Олий Мажлисом (парламентом), а их выполнение контролируется Президентом и Правительством. Таким образом, правовой статус международных конвенций в Узбекистане определяется как

неотъемлемая часть национальной системы, требующая координации нескольких ветвей власти и ведомств.

Практика имплементации ключевых конвенций

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968): Узбекистан ратифицировал ДНЯО 7 мая 1992 года, лишившись ядерного арсенала наследством СССР. Внутри страны приняты законы по использованию атомной энергии в мирных целях – закон «Об использовании атомной энергии в мирных целях» (от 9.09.2019) вводит систему государственного регулирования и определяет органы надзора за ядерной безопасностью. В частности, в нем прямо закреплен принцип верховенства международных обязательств: если международным договором установлены иные правила, чем в национальном законодательстве, применяются положения договора. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан подписали Договор об АЗСОМУ (Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в ЦА, Семипалатинск, 2006) и ратифицировали его Узбекистаном Законом № ЗРУ-80 от 2 апреля 2007 г.. Он вступил в силу в 2009 году и запрещает производство, хранение и применение ядерного оружия на территории Центральной Азии. Узбекисанский парламент утвердил ратификацию Семипалатинского договора. Государственные органы создали нормативную базу для исполнения этих обязательств: например, Комитет промышленной, радиационной и ядерной безопасности при Кабинете Министров (в настоящее время Агентство по технологическому регулированию) осуществляет надзор за ядерной безопасностью, а МИД поддерживает контакты с ООН и МАГАТЭ (как это формализовано для других конвенций).

Конвенции о биологическом и химическом оружии: Узбекистан присоединился к **Бактериологической конвенции 1972 г.** Олий Мажлис ратифицировал ее Постановлением от 22 декабря 1995 г. № 185-І; она вступила в силу для республики в январе 1996 года. Аналогично, **Конвенция о запрещении химического оружия (ХОПО, 1993)** была ратифицирована Узбекистаном Законом № 236-І от 26 апреля 1996 г.. После этого Кабинет Министров постановлением от 6 июня 1997 г. № 287 создал Межведомственную комиссию по реализации ХОПО. Комиссия координирует действия всех профильных ведомств, отвечает за подготовку изменений в законодательство и взаимодействие с Организацией по запрещению химического оружия. Аналогичный механизм был создан для **Биологической конвенции:** Постановление Кабмина от 22 сентября 1998 г. № 405 сформировало Комиссию по реализации Конвенции по биологическому оружию. Руководство комиссии и секретариат возложены на Комитет промышленной, радиационной и ядерной безопасности, а МИД налаживает связи с депозитарием Конвенции и соответствующими органами ООН. Таким образом, процедуры имплементации предусматривают создание межведомственных органов (при действующей системе Чрезвычайного комитета под председательством Премьер-министра) и закрепление наказуемости нарушений норм конвенций в уголовном законодательстве (см. ст. 255¹ УК Узбекистана).

Конвенции по борьбе с терроризмом: Узбекистан принял участие во многих международных соглашениях против терроризма. Так, Олий Мажлис ратифицировал **Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма (1999)** постановлением от 12 мая 2001 г. № 225-II (вступила в силу для страны 10.04.2002). **Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005)** была ратифицирована Законом № ЗРУ-146 от 9 апреля 2008 г.. Среди региональных соглашений – **Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001)**, ратифицированная постановлением Олий Мажлиса от 30 августа 2001 г. № 274-II (вступила в силу 29.03.2003). В национальном праве содержатся нормы, отражающие положения этих соглашений. По данным официальных источников, Узбекистан «имплементировал положения конвенций ООН по борьбе с терроризмом в национальное законодательство». Например, нормы **Токийской конвенции (1963)** и **Гаагской конвенции (1970)** по преступлениям на борту воздушных судов перенесены в Уголовный кодекс (ст. 202–202¹ УК РУз). Также предусмотрена ответственность за финансирование терроризма по УК и специальные законы противодействия экстремизму. Следует отметить, что реализация антитеррористических конвенций частично возложена и на спецслужбы (так, в конвенции о ядерном терроризме Национальной службе безопасности Узбекистана был назначен ответственный за обмен информацией).

Институциональный механизм имплементации

Имплементация международных конвенций обеспечивается системой государственных органов и механизмов координации:

- 1. Межведомственные комиссии при Кабинете Министров:** для координации имплементации ХОПО и Бактериологической конвенции созданные специальные комиссии (см. выше). Члены комиссий – руководители профильных министерств (МИД, МО, МВД, Минздрав и др.), подкомиссии разрабатывают предложения по адаптации законодательства.
- 2. Министерство иностранных дел:** курирует отношения с депозитариями и международными организациями. Например, МИД Узбекистана взаимодействует с ОЗХО, ООН по вопросам реализации химической конвенции, и передает депозитарю конвенций документы о ратификации и уведомления (как предписано внутренними указаниями и законодательством).
- 3. Специализированные ведомства:** в сфере ядерной безопасности – Комитет (теперь Агентство) по промышленной, радиационной и ядерной безопасности; в сфере химической безопасности – государственная экспертная организация и служба гражданской обороны; в сфере контртеррористической деятельности – Министерство внутренних дел и СНБ. Они разрабатывают технические регламенты, контролируют экспорт стратегических материалов и проводят расследования нарушений.
- 4. Законодательная ветвь:** Олий Мажлис ратифицировал (утвердил) большинство конвенций (законы, постановления 1995–2008 гг. о присоединении), а также принимает поправки в УК и другие законы для исполнения обязательств. Президенты и

правительство издают указы и постановления о назначении ответственных органов и процедуре исполнения (примеры – постановления об утверждении международных договоров).

5. Уголовно-правовое регулирование: как отмечено, ст. 255¹ УК РУз прямо криминализирует деятельность, связанную с ОМУ (связано с конвенциями 1972, 1993 гг.). Вопросы ответственности за террористические акты и финансирование терроризма также урегулированы уголовным законом.

6. Международный контроль: Узбекистан взаимодействует с международными механизмами (например, выполняет требования Резолюции СБ ООН 1540 по недопущению попадания ОМУ негосударственными акторами, разработал Национальный план действий 1540, докладывает о выполнении конвенций в ООН).

Правовые и политические вызовы

Несмотря на активную правовую проекцию международных норм, Узбекистан сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, **законодательная сложность:** совмещение требований международных соглашений с существующими нормами требует тщательной правовой экспертизы и нередко существенной перестройки законодательства. Во-вторых, **кадровые и ресурсные ограничения:** для эффективной инспекции предприятий (например, химических заводов) и контроля границ (во избежание контрабанды ОМУ) нужна значительная техническая и финансовая поддержка. В-третьих, **политическая среда:** реализация конвенций часто зависит от международной конъюнктуры – например, завершение сооружений по уничтожению химоружия финансировалось международными партнёрами. Кроме того, при разработке норм борьбы с терроризмом важно балансировать между безопасностью и соблюдением прав человека. Региональная политика также накладывает отпечаток – создание ЯОБЗ в ЦА требует учёта интересов соседей и больших держав. Наконец, **исполнение на практике:** в ряде случаев ратификация сама по себе ещё не гарантирует полную имплементацию. Так, Узбекистану предстоит дальнейшее совершенствование нормативной базы экспортного контроля (согласно стандартам МАГАТЭ и ЗРБ ООН), а также совершенствование механизмов обмена информацией между службами. Необходимо также повышать прозрачность и гражданский контроль (по примеру рекомендаций ГКТС ООН), чтобы укрепить доверие общества к мерам безопасности.

Выводы и предложения

Узбекская правовая система уже содержит базу для реализации международных конвенций в области безопасности: существуют необходимые законы, межведомственные комиссии и ответственные органы. Конституционно закреплён монистический принцип, а многочисленные ратификации (ДНЯО, ХОПО, Бактериологической конвенции, Шанхайской конвенции, ЯОБЗ ЦА и др.) показали политическую волю Узбекистана. В дальнейшем рекомендуется:

Закрепить прозрачность и контроль за выполнением обязательств – например, ежегодно публиковать отчеты об имплементации (как это делается по 1540 резолюции ООН).

Усилить международное сотрудничество – расширять участие в международных учениях и обменах опытом по обнаружению и утилизации ОМУ, а также развивать сотрудничество по совместной разведке и судебному преследованию террористов.

Обновить законодательство – внедрять новые международные стандарты (включая протоколы к существующим конвенциям, новые требования к безопасности на транспорте, цифровому финасированию терроризма и др.), регулярно пересматривать Криминальный кодекс с учётом эволюции угроз.

Укрепить институты – обеспечить достаточное финансирование и техническую оснащённость Госсанэпиднадзора, СНБ и МВД для надзора за биологической безопасностью и контртеррористической деятельностью.

Участвовать в региональных инициативах – продолжить развитие зон свободных от ОМУ (протоколы ЯОБЗ ЦА), расширять взаимодействие с соседями по безопасности. Таким образом, создание эффективной системы имплементации конвенций в Узбекистане требует комплексного подхода: строгой юридической основы, скоординированной работы государственных органов и учёта международного опыта. При выполнении этих условий Узбекистан сможет более уверенно вносить свой вклад в глобальную безопасность, соблюдая международные обязательства.

Список использованной литературы

1. Международные договоры и конвенции

1. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Открыт для подписания 1 июля 1968 г.; вступил в силу 5 марта 1970 г.
2. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.; вступил в силу 21 марта 2009 г.
3. Конвенция Организации Объединённых Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией A/RES/51/229 21 мая 1997 г.; вступила в силу 17 августа 2014 г.
4. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (ХОПО). Принята 3 сентября 1992 г.; вступила в силу 29 апреля 1997 г.
5. Конвенция о биологическом (бактериологическом) оружии. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 апреля 1972 г.; вступила в силу 26 марта 1975 г.
6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята 9 декабря 1999 г.; вступила в силу 10 апреля 2002 г.
7. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята 13 апреля 2005 г.; вступила в силу 7 июля 2007 г.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 61/88 «О создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии». Принята 6 декабря 2006 г.

2. Законы и нормативные акты Республики Узбекистан

9. Конституция Республики Узбекистан. Принята на всенародном референдуме 8 декабря 1992 г.; ред. по состоянию на 2019 г.
10. Закон Республики Узбекистан «О международных договорах» (порядок заключения, ратификации и исполнения международных соглашений).
11. Закон РУз «О присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия» от 7 мая 1992 г.
12. Закон РУз № ЗРУ-80 «О ратификации Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии» от 2 апреля 2007 г.
13. Закон РУз «Об использовании атомной энергии в мирных целях» от 9 сентября 2019 г.
14. Закон РУз № 236-I «О присоединении к Конвенции о запрещении химического оружия» от 26 апреля 1996 г.
15. Постановление Кабинета Министров РУз № 287 «О создании Межведомственной комиссии по реализации Конвенции о запрещении химического оружия» от 6 июня 1997 г.
16. Постановление Кабинета Министров РУз № 405 «О создании Межведомственной комиссии по реализации Конвенции о биологическом оружии» от 22 сентября 1998 г.
17. Закон РУз № 185-I «О присоединении к Конвенции о запрете биологического оружия» от 22 декабря 1995 г.
18. Постановление Олий Мажлиса РУз № 225-II «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» от 12 мая 2001 г.
19. Закон РУз № ЗРУ-146 «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма» от 9 апреля 2008 г.

3. Отчёты и резолюции ООН

20. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 2669(XXV) «Проблемы международных водотоков». 1970 г.
21. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/51/229 «Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков». 1997 г.

4. Научные и аналитические источники

22. McCaffrey, S. C. Convention on the Law of NonNavigational Uses of International Watercourses (1997) // UN Audiovisual Library of International Law. 2010.
23. Rysbekov, Y. Interpretation of the UN Watercourses Convention in Central Asian Context // Journal of International Water Law. 2018.
24. Сафина, Л. Имплементация норм международного права в национальное законодательство Узбекистана // Право и государство. 2023.
25. Абдураимов, М. Региональные аспекты ядерной безопасности в Центральной Азии // Международная безопасность. 2021.